Владимир Семеныч из мягкой секции. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке http://shukshinvasiliy.ru/ Приятного чтения!

Владимир Семеныч из мягкой секции. Василий Макарович Шукшин

Владимир Семеныч Волобцов здорово пил, так пил, что от него ушла жена. В один горький похмельный день он вдруг обнаружил, что его предали. Ужасное чувство: были слова, слезы, опять слова, и вот – один. Нет, конечно, родные в городке, знакомые есть, но мы знаем, что все эти родные и знакомые – это тоже слова, звуки: "Петр Николаич", "Анна Андреевна", "Софья Ивановна…" За этими звуками – пустота. Так, по крайней мере, было у Владимира Семеныча: никогда эти люди для него ничего не значили.

Владимир Семеныч не на шутку встревожился, очутившись в одиночестве. Что делать? Как жить? Но когда первый ошеломляющий вал прокатил над головой, муть, поднятая в душе Владимира Семеныча, осела, осталось одно едкое мстительное чувство.

"Так? – думал Владимир Семеныч. – Вы так? Хорошо! Посмотрим, как ты дальше будешь. Как говорится, посмотрим, чей козырь старше. Не прибежишь ли ты, голубушка, снова сюда да не попросишь ли Вовку-глота принять тебя".

И Владимир Семеныч бросил пить. Так бывает: вошел клин в сознание – стоп! Вся жизнь отныне сама собой подчинилась одной мысли: так поставить дело, чтобы преподобная Люсенька (жена) пришла бы и бухнулась в ноги – молить о прощении или, чтобы она там, где она обитает, с отчаяния полезла бы в петлю.

"Ты смотри! – с возмущением думал Владимир Семеныч. – Хвост дудкой – и поминай как звали! Нет, милая, так не бывает. Не тебе, крохоборке, торжествовать надо мной победу!" Владимир Семеныч работал в мебельном магазине, в секции мягкой мебели. Когда он давал кому-нибудь рабочий телефон, он так и говорил:

– Спрашивайте Владимира Семеныча из мягкой секции.

Работать Владимир Семеныч умел: каждый месяц имел в кармане, кроме зарплаты. Люди бросились красиво жить, понадобились гарнитуры, гарнитуров не хватало – башка есть на плечах, будешь иметь в кармане. Владимир Семенович имел башку на плечах, поэтому имел в кармане. Но раньше он много денег пускал побоку, теперь же стал вполне бессовестный и жадный: стал немилосердно обирать покупателей, стал сам покупать ценности, стал богато одеваться. Он знал, что Люсенька никуда из городка не уехала, живет у одной подруги. То обстоятельство, что она не подавала на развод и не делила квартиру, вселяло поначалу уверенность, что она вернется. Но проходили недели, месяцы… Два с половиной месяца прошло, а от нее ни слуху ни духу. А ведь слышала же, конечно, что Владимир Семеныч бросил пить, ходит нарядный, покупает дорогие вещи. Значит?..

"Значит, нашла любовника, – горько и зло думал Владимир Семеныч. – Зараза. Ну ладно!" И Владимир Семеныч решил тоже показать, что он не лыком шит, решил показать, что его козырь старше. Он был человек расторопный.

Сперва появилась Валя с сырзавода, белозубая, с голубыми глазами. Она была из деревни, почтительная, это понравилось Владимиру Семенычу. Раза два они с Валей ходили в кино, потом Владимир Семеныч пригласил ее к себе домой. В воскресенье. Прибрался дома, расставил на столе шампанское (для Вали), конфеты, грецкие орехи, яблоки… И поехал за Валей.

В общежитие к ней он доехал на трамвае, а обратно пошли пешком: чтобы все видели и передали Люське.

Шли с Валей под ручку, нарядные, положительные.

– Меня тут некоторые знают, – предупредил Владимир Семеныч, – могут окликнуть… позвать куда-нибудь…

– Куда позвать? – не поняла Валя.

– В пивную. Не надо обращать внимания. Ноль внимания. Я их больше не знаю, оглоедов. Чужбинников. Злятся, что я бросил пить… А чего злиться? Нет, злятся. Могут провокацию устроить – не надо обращать внимания.

– А самого-то не тянет больше к ним? – спросила Валя.

– К ним?! Я их презираю всех до одного!

– Хорошо. Молодец! – от всего сердца похвалила Валя. – Это очень хорошо! Теперь – жить да радоваться.

– Я и так пропустил сколько времени! Я бы уж теперь завсекцией был.

– Еще пока опасаются?

– Чего опасаются? – не понял Владимир Семеныч.

– Завсекцией-то ставить. Пока опасаются?

– Я думаю, уже не опасаются. Но дело в том, что у нас завсекцией – старичок, он уже на пенсии, но еще работает, козел. Ну, вроде того, что – неудобно его трогать. Но, думаю, что внутреннее решение они уже приняли: как только тот уйдет, я занимаю его место.

Пошли через городской парк.

Там на одной из площадок соревновались городошники. И стояло немного зрителей – смотрели.

Владимир Семеныч и Валя тоже минут пять постояли.

– Делать нечего, – сказал Владимир Семеныч, трогаясь дальше в путь.

– А у вас, Владимир Семеныч, я как-то все не спрошу: родные-то здесь же живут? – поинтересовалась Валя.

– Здесь! – воскликнул не без иронии Владимир Семеныч. – Есть дяди, два, три тетки… Мать с отцом померли. Но эти… они все из себя строят, воображают, особенно когда я злоупотреблял. У нас наметилось отчуждение, – Владимир Семеныч говорил без сожаления, а как бы даже посмеивался над родными и сердился на них. – Обыватели. Они думают, окончили там… свои… Мещане! Я же не мальчик им, понимаешь, которого сперва можно не допускать к себе, потом, видите ли, допустить. У меня ведь так: я молчу-молчу, потом как покажу зубы!.. Эта моя дура тоже думает, что я за ней бегать стану. Шутить изволите! Если у меня в жизни вышел такой кикс, то я из него найду выход, – Владимир Семеныч очень гордился, что бросил пить, его прямо распирало. – Посмотрим через пару лет, как будут жить они, а как я. Крохоборы. Я через месяц себе "Роджерс" (гарнитур такой, югославский) приволоку: обещали завезти штук семь. Мы уже распределили, кому первые три пойдут… Две тысячи сто семьдесят рэ. Через месяц они у меня будут. Видела когда-нибудь "Роджерс"?

– Нет. Мебель такая?

– Гостиная такая, особенно стенка шикарная. А "Россарио" видела?

– Нет.

– У меня стоит "Россарио", счас посмотришь. Всего девять штук в городе.

– Гляди-ка! – удивилась Валя.

– Им во сне не снились такие гарнитуры. От "Роджерса" они вообще офигеют. Жить надо уметь, господа присяжные заседатели! – воскликнул Владимир Семеныч, ощутив прилив гордого чувства. – Меня почему и пить-то повело: чего ни возьмусь сделать, – все могу! Меня даже из других городов просят: "Достань холодильник "ЗИЛ", или "Достань дубленку". Ну, естественно, каждый старается угостить… У меня душа добрая: я уважительный тон хорошо чувствую. И вот это сознание – это я все могу – привело меня к злоупотреблению. Я и работал, как конь, и пил, разумеется.

Валя засмеялась.

– А? – сказал довольный Владимир Семеныч. – Что смеешься?

– Да вы прямо уж… всю правду про себя.

– А чего?! – опять воскликнул Владимир Семеныч. Ему было легко с Валей. – Я всегда так. Если я хочу Люське фитиля вставить, я не скрываю: вставлю. Она надеется, что комнату у меня оттяпает? Пусть. Я все равно себе кооперативную буду строить, но пусть она попробует разменять двухкомнатную на две однокомнатные. Я же в кооператив-то не подам, пока нас не разделят, а как разделят, сразу подаю в кооператив. Вот тогда она узнает: подселят ей каких-нибудь пенсионеров, они ей покажут тинь-тили-ли. Будь спок, милая: я все сделаю по уму.

Дома у себя Владимир Семеныч чего-то вдруг засуетился, даже как будто заволновался.

– Ну-с… вот здесь мы и обитаем! – шумно говорил он. – Не хоромы, конечно, но, как говорит один мой коллега, я под этой работой подписываюсь. Как находишь?

– Хорошо, – похвалила Валя. – Очень даже хорошо!

Владимир Семеныч снял с нее плащ-болонью, при этом почему-то не смотрел ей в глаза (может, грех затевал), усадил в креслице, к креслицу пододвинул журнальный столик… На столике было много разных журналов с картинками.

– Прошу… полистай пока. Как тебе "Россарио"?

– Какой "Россарио"?

– На чем сидишь-то! – воскликнул Владимир Семеныч со смехом. – Кресло-то из "Россарио". А вот – стенка. Гарнитур "Россарио". Финский. Тысяча двести.

– Так, а зачем же еще какой-то?

– Надо дожимать. Но "Роджерс" здесь не появится, пока нас с Люськой не разделят: нема дурных. Посиди, я пока кофе себе сготовлю, – и Владимир Семеныч поспешил на кухню готовить кофе. Но и оттуда все говорил. Громко.

– У тебя родных много в деревне?

– Много, – отвечала Валя.

– Вот эти родственнички!.. – кричал из кухни Владимир Семеныч. – Да?! Как грибов!.. А коснись чего-нито – никого! Да?

Валя ничего на это не сказала, листала журнал.

– Как находишь журналы?! – опять закричал Владимир Семеныч.

– Хорошие.

– По тематике подбирал! Обрати внимание: все жмут на уют.

– А?

– Уют подчеркивают!

– Да… – сказала Валя.

– Не находишь, что в квартире, – кричал Владимир Семеныч, – не хватает заботливой женской руки?!

Валя не знала, что на это говорить.

– Да бог ее знает…

– А?!

– Не знаю!

– Явно не хватает! – Владимир Семеныч появился в комнате с подносом в руках. На подносе – медный сосудец с кофе, малые чашечки. – Жить тем не менее надо красиво, – сказал он. – Прошу: сядем рядком, потолкуем ладком.

Сели к столу, где стояла бутылка шампанского, стояли вазы с конфетами, с орехами, с печеньем. Владимир Семеныч нагнулся вбок куда-то и что-то такое включил – щелкнуло. Музыку, оказывается: в комнату полились грустные человечнейшие звуки.

– "Мост Ватерлоо", – сказал Владимир Семеныч тихо. И смело посмотрел в глаза девушке: – Как находишь?

– Хорошая, – сказала Валя. И чуть покраснела от взгляда Владимира Семеныча.

Зато Владимир Семеныч осмелел вполне. Он говорил и откупоривал шампанское, наливал шампанское в фужер и говорил…

– Я так считаю: умеешь жить – живи, не умеешь – пеняй на себя. Но, кроме всего прочего, должен быть вкус, потому что… если держать, например, две коровы и семнадцать свиней – это тоже считается хорошо. Должен быть современный уровень – во всем. Держи, но пока не пей: мы на брудершафт выпьем. Я себе кофе налью.

– Как это? – спросила Валя.

– На брудершафт-то? А вот так вот берутся… Дай руку. Вот так берут, просовывают… – Владимир Семеныч показал. – Так? И – выпивают. Одновременно. Мм? – Владимир Семеныч близко заглянул опять в глаза Вале. – Мм? – губы его чуть дрожали от волнения.

– Господи!.. – сказала Валя. – Для чего так-то?

– Ну, происходит… тесное знакомство. Уже тут… сознаются друг другу. Некоторый союз. Мм?

– Да что-то мне… как-то… Давайте уж прямо выпьем.

– Да нет, зачем же прямо-то? – Владимир Семеныч хотел улыбнуться, но губы его свело от волнения, он только покривился. И глотнул. – Мм? Зачем прямо-то? Дело же в том, что тут образуется некоторый союз… И скрепляется поцелуем. Я же не в Карачарове это узнал, – Владимир Семеныч опять глотнул. – Мм?

– Да ведь неспособно так пить-то!

– Да почему же неспособно?! – Владимир Семеныч придвинулся ближе, но у него это вышло неловко, он расплескал кофе из чашечки. – Вовсе даже способно. Почему неспособно-то? Поехали. Музыка такая играет… даже жалко. Неужели у тебя не волнуется сердце? Не волнуется?

– Да бог ее знает… – Вале было ужасно стыдно, но она хотела преодолеть этот стыд – чтобы наладился этот современный уровень, она хотела, чтобы уж он наладился, черт с ним совсем, ничего не поделаешь – везде его требуют.

– Волнуется, вообще-то. А зачем говорить-то про это?

– Да об этом целые тома пишут! – воскликнул ободренный Владимир Семеныч. – Поэмы целые пишут! В чем дело? Ну? Ну?.. А то шампанское выдыхается.

– Да давай прямо выпьем! – сказала Валя сердито. Никак она не могла развязаться. – Какого дьявола будем кособочиться?

– Но образуется же два кольца… – Владимир Семеныч растерялся от ее сердитого голоса. – Зачем же ломать традицию? Музыка такая играет… Мы ее потом еще разок заведем. Мм?

– Да не мычи ты, ну тя к черту! – вконец чего-то обозлилась Валя. – Со своей

Владимир Семеныч из мягкой секции. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru музыкой… Не буду я так пить. Отодвинься. Трясется сидит, как… – Валя сама отодвинулась. И поставила фужер на стол.

– Выйди отсюда, – негромко, зло сказал Владимир Семеныч. – Корова. Дура.

Валя не удивилась такой чудовищной перемене. Встала и пошла надевать плащ. Когда одевалась, посмотрела на Владимира Семеныча.

– Корова, – еще сказал Владимир Семеныч.

– Ну-ка!.. – строго сказала Валя. – А то я те пообзываюсь тут! Сам-то… слюнтяй.

Владимир Семеныч резко встал… Валя поспешно вышагнула из квартиры. Да так крепко саданула дверью, что от стены над косяком отвалился кусок штукатурки и неслышно упал на красный коврик.

– Корова, – еще раз сказал Владимир Семеныч. И стал убирать со стола.

После этого Владимир Семеныч долго ни с кем не знакомился. Потом познакомился с одной… С Изольдой Викторовной. Изольда Викторовна покупала дешевенький гарнитур, и Владимир Семеныч познакомился с ней. Она тоже разошлась с мужем, и тоже из-за водки – пил мужик. Владимир Семеныч проявил к ней большое сочувствие, помог отвезти гарнитур на квартиру. И там они долго беседовали о том, что это ужасно, как теперь много пьют. Как взбесились! Семьи рушатся, судьбы ломаются… И ведь что удивительно: не с горя пьют, какое горе! Так – разболтались.

Изольда Викторовна, приятная женщина лет тридцати трех – тридцати пяти, слушала умные слова Владимира Семеныча, кивала опрятной головкой… У нее чуть шевелился кончик аккуратного носика. Она понимала Владимира Семеныча, но самой ей редко удавалось вставить слово – говорил Владимир Семеныч. А когда ей удавалось немного поговорить, кончик носа ее заметно шевелился, на щеках образовывались и исчезали, образовывались и исчезали ямочки, и зубки поблескивали белые, ровные. Владимир Семеныч под конец очень растрогался и сказал:

– У меня один родственничек диссертацию защитил – собирает банкет: пойдемте со мной? А то я тоже… один, как столб, извините за такое сравнение.

И Владимир Семеныч поведал свою горькую историю: как он злоупотреблял тоже, как от него ушла жена… И так у него это хорошо – грустно – вышло, так он откровенно все рассказал, что Изольда Викторовна посмеялась и согласилась пойти с ним на банкет. Владимир Семеныч шел домой чуть не вприпрыжку – очень ему понравилась женщина. Он все видел, как у нее шевелится носик, губки шевелятся, щечки шевелятся – все шевелится, и зубки белые поблескивают.

"Да такая умненькая! – радостно думал Владимир Семеныч. – Вот к ней-то "Роджерс" подойдет. Мы бы с ней организовали славное жилье".

Было воскресенье. Владимир Семеныч шел с Изольдой Викторовной в ресторан. Хотел было взять ее под ручку, но она освободилась и просто сказала:

– Не нужно.

Владимир Семеныч хотел обидеться, но раздумал.

– Я вот этого знаю, – сказал он. – Только не оглядывайтесь. Потом оглянетесь.

Прошли несколько.

– Теперь оглянитесь.

Изольда Викторовна оглянулась.

– В шляпе, – сказал Владимир Семеныч. – С портфелем.

– Так… И что?

– Он раньше в заготконторе работал. Мы как-то были с ним в доме отдыха вместе, ну, наклюкались… Ну, надо же что-то делать! Он говорит: "Хочешь, сейчас со

Владимир Семеныч из мягкой секции. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru второго этажа в трусах прыгну?" Струков его фамилия… вспомнил.

– Ну?

– Прыгнул. Разделся до трусов и прыгнул. На клумбу цветочную. Ну, конечно, сообщили на работу. Приходил потом ко мне: "Напиши как свидетель, что я случайно сорвался".

– И что вы?

– Что я, дурак, что ли? Он случайно разделся, случайно залез на подоконник, случайно закричал: "Полундра!" Я говорю: "Зачем "полундру"-то было кричать? Кто же нам после этого поверит, что "случайно"?" По-моему, перевели куда-то. Но ничего, с портфелем ходит… Мы, когда встречаемся, делаем вид, что не знаем друг друга. А в одной комнате жили.

– Дурак какой, – сказала Изольда Викторовна. – Со второго этажа… Мог же голову свернуть.

– Не дурак, какой он дурак. Это, так называемые, духари: геройство свое показать. Я, если напивался, сразу под стол лез…

– Под стол?

– Не специально, конечно, но… так получалось. Я очень спокойный по натуре, – Владимир Семеныч, сам того не замечая, потихоньку хвалил себя, а про "Роджерс" и "Россарио" молчал – чуял, что не надо. Изольда Викторовна работала библиотекарем, Владимир Семеныч работу ее уважал, хоть понимал, что там платят гроши.

В ресторане для банкета был отведен длинный стол у стены.

Приглашенные, некоторые, уже сидели. Сидели чинно, прямо. Строго и неодобрительно поглядывали на малые столики в зале, за которыми выпивали, кушали, беседовали… Играла музыка, маленький толстый человек пел на возвышении песню не по-русски.

– Вон та, в голубом платье… – успел сообщить Владимир Семеныч, пока шли к столу через зал, – с ней опасайтесь насчет детского воспитания спорить: загрызет.

– Что такое? – испугалась Изольда Викторовна.

– Не бойтесь, но лучше не связывайтесь: она в детском садике работает, начальница там какая-то… Дура вообще-то.

Владимир Семеныч широко заулыбался, с достоинством поклонился всем и пошел здороваться и знакомить Изольду Викторовну.

На Изольду Викторовну смотрели вопросительно и строго. Некоторые даже подозрительно. Она смутилась, растерялась… Но когда сели, Владимир Семеныч горячо зашептал ей:

– Умоляю: выше голову! Это мещане, каких свет не видел. Тут одна показуха, один вид, внутри – полное убожество. Нули круглые сидят.

– Может, нам уйти лучше?

– Зачем? Посидим… Любопытно.

Получилось вообще-то, что они сидят напротив начальницы из детсадика, а по бокам от них – пожилые и тоже очень строгие, больше того – презирающие всех, кто в тот вечер оказался в ресторане. Они смотрели в зал, переговаривались. Делали замечания. Не одобряли они все это, весь этот шум, гам, бестолковые выкрики…

– А накурено-то! Неужели не проветривается?

– Дело не в этом. Здесь же специально сидят, одурманивают себя – зачем же проветривать?

– А вон, во-он – молоденькая!.. Во-он, хохочет-то. Заливается!

– С офицером-то?

– Да. Как хохочет, как хохочет!.. Будущая мать.

– Почему будущая? У них теперь это рано…

– Это вы меня спросите! – воскликнула полная женщина в голубом. – Я как раз наблюдаю… результаты этого смеха.

– А где же наш диссертант-то? – спросил Владимир Семеныч.

– За руководителем поехал.

– За генералом, так сказать?

Не поняли:

– За каким генералом?

– Ну, за руководителем-то… Я имею в виду Чехова, – Владимир Семеныч повернулся к Изольде Викторовне: – У него руководитель – известный профессор в городе, я ему "Россарио" доставал. Я его называю – генерал, в переносном смысле, разумеется. Вам не хочется поговорить с кем-нибудь? Может, пошутили бы… А то как-то неудобно молчать.

– Я не знаю, о чем тут говорить, – сказала Изольда Викторовна. – Мне все же хочется уйти.

– Да ничего! Надо побыть… Можно алкоголиков покритиковать – они это любят. Медом не корми, дай…

– Нет, не сумею. Надо уйти.

– Да почему?! – с сердцем воскликнул Владимир Семеныч. – Ну, что уж так тоже: уйти, уйти! Уйти мы всегда успеем, – Владимир Семеныч спохватился, что отчитывает милую женщину, помолчал и добавил мягко, с усмешкой: – Не торопитесь, я же с вами. В случае чего я им тут фитиля вставлю.

Изольда Викторовна молчала.

А вокруг говорили. Подходили еще родственники и знакомые нового кандидата, здоровались, усаживались и включались в разговор.

– Кузьма Егорыч! – потянулся через стол Владимир Семеныч к пожилому, крепкому еще человеку. – А, Кузьма Егорыч!.. Не находите, что он слишком близко к микрофону поет?

– Кто? – откликнулся Кузьма Егорыч. – А, этот… Нахожу. По-моему, он его сейчас скушает.

– Кого? – не поняли со стороны.

– Микрофон.

Ближайшие, кто расслышал, засмеялись.

– Сейчас вообще мода пошла: в самый микрофон петь. Черт знает что за мода!

– Ходят с микрофоном! Ходит и поет. Так-то можно петь.

– Шаляпин без микрофона пел!

– Ну, взялись, – негромко, с ехидной радостью сказал Владимир Семеныч своей новой подруге. – Сейчас этого… с микрофоном вместе съедят.

– То – Шаляпин! Шаляпин свечи гасил своим басом, – сказал пожилой. Так сказал, как если бы он лично знавал Шаляпина и видел, как тот "гасил свечи".

– А вот и диссертант наш! – заволновались, задвигались за столом.

По залу сквозь танцующих пробирались мужчина лет сорока, гладко бритый, в черном костюме и в пышном галстуке, и с ним – старый, несколько усталый, наверно, профессор.

Встали навстречу им, захлопали в ладоши. Женщина в голубом окинула презрительным взглядом танцующих бездельников.

– Прошу садиться! – сказал кандидат.

– А фасонит-то! – тихо воскликнул Владимир Семеныч. – Фасонит-то!.. А сам небось на трояки с грехом пополам вытянул. Фраер.

– Боже мой! – изумилась Изольда Викторовна. – Откуда такие слова!.. Зачем это?

– Тю! – в свою очередь, искренне изумился Владимир Семеныч. – Да выпивать-то с кем попало приходилось – набрался. Нахватался, так сказать.

– Но зачем же их тут произносить?

Владимир Семеныч промолчал. Но, как видно, затаил досаду.

Тут захлопали бутылки шампанского.

– Салют! – весело закричал один курносый, в очках. – За новоиспеченного кандидата!

– Товарищ профессор, ну, как он там вообще-то? Здорово плавал?

Профессор неопределенно, но, в общем, вежливо пожал плечами.

– За профессора! За профессора! – зашумели.

– За обоих! И – за науку!

Кандидат стоял и нахально улыбался.

– За здоровье всех наших дам! – сказал он.

Это всем понравилось.

Выпили. Придвинулись к закуске. Разговор не прекращался.

– Грибки соленые или в маринаде?

– Саша, подай, пожалуйста, грибочки! Они соленые или в маринаде?

– В маринаде.

– А-а, тогда не надо, у меня сразу изжога будет.

– А селедку?.. Селедку дать?

– Селедочку? Селедочку можно, пожалуй.

– Вам подать в маринаде? – спросил Владимир Семеныч Изольду Викторовну

– Можно.

– Сань, подай, пожалуйста, в маринаде! Вон – в маринаде!

– А танцуют ничего. А?

– Слышите! Сергей уже оценил: "Танцуют ничего"!

Засмеялись.

– Подожди, он сам скоро пойдет. Да, Сергей?

– А что? И пойду!

– Неисправимый человек, этот Сергей!

– Дурак неисправимый, – уточнил Владимир Семеныч Изольде Викторовне. – Дочка в девятый класс ходит, а он все на танцах шустрит. Вон он, в клетчатом пиджаке.

Изольда Викторовна интеллигентно потыкала вилочкой маринованные грибочки, которые она перед тем мелко порезала ножиком… Но Владимир Семеныч не давал ей как следует поесть – все склонялся и говорил ей что-нибудь. Она слушала и кивала головой.

Поднялся во весь рост курносый Сергей.

– Позвольте!

– Тише, товарищи!..

– Дайте тост сказать! Товарищи!..

– Товарищи! За дам мы уже выпили… Это правильно. Но все же, товарищи, мы собрались здесь сегодня не из-за дам, при всем моем уважении к ним.

– Да, не из-за их прекрасных глаз!

– Да. Мы собрались… поздравить нового кандидата, нашего Вячеслава Александровича. Просто – нашего Славу. И позвольте мне тут сегодня скаламбурить: слава нашему Славе!

Засмеялись и захлопали.

Курносый сел было, но тут же вскочил опять:

– И позвольте, товарищи!.. Товарищи! И позвольте также приветствовать и поздравить руководителя, который направлял, так сказать, и всячески помогал… и является организатором и вдохновителем руководящей идеи, которая заложена в основе. За вас, товарищ профессор!

Дружно опять захлопали.

– Трепачи, – сказал Владимир Семеныч Изольде Викторовне.

Изольда Викторовна тоскливо опять покивала головой.

Со всех сторон налегали на закуски и продолжали активно разговаривать.

Пожилой человек и человек с золотыми зубами наладили через стол дружеские пререкания. А так как было шумно и гремела музыка, то и они тоже говорили очень громко.

– Что не звонишь?! – кричал пожилой.

– А?

– Не звонишь, мол, почему?!

– А ты?

– Я звонил! Тебя же на месте никогда нету!

– А-а, тут я не виноват! "Не виновата я!"

– Так взял бы да позвонил! Я-то всегда на месте!

– А я звонил вам, Кузьма Егорыч! – хотел влезть в этот разговор Владимир Семеныч, обращаясь к пожилому, к Кузьме Егорычу. – Вас тоже не было на месте.

– А? – не расслышал Кузьма Егорыч.

– Я говорю, я вам звонил!

– Ну и что? А чего звонил-то?

– Хотел… это… Нам "Роджерсы" хотят забросить…

– Кузьма! А, Кузьма!.. – кричал золотозубый. Кузьма Егорыч повернулся к нему. – Ты Протопопова встречаешь?

– Кого?

– Протопопова!

– Каждый день!

– Ну как? – спросил Владимир Семеныч Изольду Викторовну. – Скучно?

– Ничего, – сказала она.

– Видите, какой разгул мещанства! Взял бы всех и облил шампанским. Здесь живут более или менее только вот эти два, которые кричат друг другу… Остальные больше показуху разводят.

– А я уж думал, тебя перевели куда-нибудь! – кричал Кузьма Егорыч золотозубому. – Куда он, думаю, пропал-то?!

– Куда перевели?

– Может, думаю, повысили его там!

– Дожидайся – повысят! Скорей – повесят!

– Ха-ха-ха!.. – густо, гулко засмеялся Кузьма Егорыч.

– Ну что, Софья Ивановна? – обратился Владимир Семеныч к женщине в голубом. Его злило, что ни его, ни его подругу как-то не замечают, не хотят замечать. – Все воюете там, с малышами-то.

Софья Ивановна мельком глянула на него и постучала вилкой по графину.

– Товарищи!.. Товарищи, давайте предложим им нормальный вальс! Ну что они… честное слово, неприятно же смотреть!

– В чужой монастырь, Софья Ивановна, со своим уставом…

– Да почему?! Мы же в своей стране, верно же! Давайте попросим сыграть вальс. Молодежь!..

– Не надо, – остановил Кузьма Егорыч. – Не наше дело: пусть с ума сходят.

– А вот это в корне неправильное решение! – восстала Софья Ивановна.

– Да хорошо танцуют, чего вы! – сказал человек с золотыми зубами. – Был бы помоложе, сам пошел бы… подрыгался.

– Именно – подрыгался! Разве в этом смысл танца?

– Ну, еще тут смысла искать! А в чем же?

– В кра-соте! – объяснила Софья Ивановна.

– А смысл красоты в чем? – все хотел тоже поговорить Владимир Семеныч. – А,

Владимир Семеныч из мягкой секции. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru Софья Ивановна? Если вы, допустим, находите, что вот этот виноград…

– Одну минуточку, Алексей Павлыч, вы что, не согласны со мной? – требовательно спрашивала Софья Ивановна золотозубого.

– Согласен, согласен, Софья Ивановна, – сказал Алексей Павлыч недовольно.

– Конечно, в красоте. В чем же еще!

– Да, но в чем смысл красоты?! – вылетел опять Владимир Семеныч.

– Так в чем же дело? – Софья Ивановна упорно не хотела замечать Владимира Семеныча. – Алексей Павлыч!

– Ау?

– В чем же дело?!

Владимир Семеныч помрачнел.

– Пойдемте домой, – предложила Изольда Викторовна.

– Подождите. А то поймут, как позу… Ну, кретины! Крохоборы.

– Саша, Саш! – громко говорили за столом. – У тебя Хламов бывает?

– Вчера был.

– Как он?

– В порядке.

– Да? Устроился?

– Да.

– Довольный?

– Ничего, говорит. А чего ты о нем?

– Пойдемте домой, – опять сказала Изольда Викторовна. Владимир Семеныч вместо ответа постучал вилкой по графину.

– Друзья! – обратился он ко всем. – Минуточку, друзья!.. Давайте организуем летку-енку! В пику этим…

– Да что они вам?! – рассердился Алексей Павлыч, золотозубый. – Танцуют люди, нет, надо помешать.

Владимир Семеныч сел.

Помолчал и сказал негромко:

– Ох, какие мы нервные! Ах ты, батюшки!.. – взял фужер с вином и выпил один.

– Что это вы? – удивленно спросила Изольда Викторовна.

– Какие ведь мы все… культурные, но слегка нервные! – не мог успокоиться Владимир Семеныч. – Да? Зубы даже из-за этого потеряли.

Никто не слышал Владимира Семеныча, только Изольда Викторовна слышала. Она со страхом смотрела на него. Владимир Семеныч еще набухал в фужер и выпил.

– Какие мы все нервные! Да, Софья Ивановна?! – повысил голос Владимир Семеныч, обращаясь к Софье Ивановне. – Культурные, но слегка нервные. Да?

Софья Ивановна внимательно посмотрела на Владимира Семеныча.

Владимир Семеныч из мягкой секции. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Нервные, говорю, все! – зло сказал Владимир Семеныч, глядя в глаза строгой женщины. – Все прямо изнервничались на общественной работе! – Владимир Семеныч искусственно – недобро – посмеялся.

– Что, опять? – спросила Софья Ивановна значительно и строго.

– Да вы только это… не смотрите на меня, не смотрите таким… крокодилом-то, – сказал Владимир Семеныч. – Не смотрите – мы же не в детсадике. Верно? Имел я вас всех в виду!

К Владимиру Семенычу повернулись, кто был ближе и слышали, как он заговорил. Повернулись и смотрели.

– Имел, говорю, я вас всех в виду! – повторил для всех Владимир Семеныч. – Очень уж вы умные все, как я погляжу! Крохоборы…

– Володька! – предостерегающе сказал курносый Сергей.

– Что – "Володька"? Я тридцать четыре года Володька. Я вас всех имел в виду, – Владимир Семеныч еще налил в фужер и выпил. – Вот так, – он оглянулся – Изольды Викторовны рядом не было. Сбежала. Владимира Семеныча пуще того злость взяла. – Я вам популярно объясняю: вы все крохоборы. Во главе с Софьей Ивановной. А она просто дура набитая. Мне жалко ребятишек, которыми она там командует… Вы все дураки!

Теперь все за столом молчали.

– Ду-ра-ки! – повторил Владимир Семеныч. И встал. – Мещане! Если вас всех… все ваши данные заложить в кибернетическую машину и прокрутить, то выйдет огромный нуль! Нет, вы сидите и изображаете из себя поток информации. Боже мой!.. – Владимир Семеныч скорбно всех оглядел. – Нет, – сказал он, – я под такой работой не подписываюсь. Адью! Мне грустно.

Он вышел на улицу и стал звать:

– Изольда Викторовна! Изольдушка!.. – он думал, она где-нибудь близко – ждет его. Но никто не отзывался. – Изольдушка!.. – еще покричал Владимир Семеныч. И заплакал. Выпитое вино как-то очень ослабило его. В голове было ясно, но так вдруг стало грустно, так одиноко! Он хотел даже двинуть к подруге жены, чтобы поговорить с женой… Но одумался.

– Нет, – говорил он сам с собой, – нет, только не это. Этого вы от меня не дождетесь, крохоборы. Нули. Этой радости я вам не сделаю.

Он шел по неосвещенной улице, как по темной реке плыл, – вольно загребал руками, и его куда-то несло. От горя и одиночества хотелось орать, но он знал и помнил, что это нельзя, это, как выражаются кандидаты, чревато последствиями.

Принесло его как раз к дому. Он вошел в опостылевшую квартиру и, не раздеваясь, стал ломать "Россарио". Открывал дверцы и заламывал их ногой в обратную сторону: дверцы с хрустом и треском безжизненно повисали или отваливались вовсе. И этот хруст успокаивал растревоженную душу, это как раз было то, что усладило вдруг его злое, мстительное чувство.

– Вот так вот… крохоборы несчастные, – приговаривал Владимир Семеныч. – Пр-рошу!..– хр-р-ресть – еще одна дверца отвалилась и со стуком упала на пол. – Пр-рошу!.. Мещане! – и еще одна гладкая, умело сработанная доска валяется на полу. – Нулики! Пр-рошу!..

Но что удивительно: Владимир Семеныч ломал "Россарио" и видел, как это можно восстановить. В мебельном магазине, где работал Владимир Семеныч, работал же золотой краснодеревщик, дядя Гриша, он делал чудеса с изуродованной мебелью. И опытный глаз Владимира Семеныча отмечал, где надо будет поставить латку и пустить под морилку, где, видно, придется привернуть металлические полоски, чтобы было куда крепить шарнирные устройства. Но все же дверцы Владимир Семеныч выломил все. И после этого лег спать.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

Владимир Семеныч из мягкой секции. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
http://shukshinvasiliy.ru/ Приятного чтения!
http://buckshee.petimer.ru/ Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
http://petimer.ru/ Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
http://worksites.ru/ Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
http://filosoff.org/ Философия, философы мира, философские течения. Биография
http://dostoevskiyfyodor.ru/
сайт http://petimer.com/ Приятного чтения!